

Good fences make good neighbors.

*Robert Frost*¹

¹ Сосед хорош, когда забор хороший. *Роберт Фрост (англ.)*.

1. МИКАЭЛЬ

После катастрофы

Пятница, 13 октября 2017 года

Я открываю дверь и тут же слышу сирену. Слоняющиеся на школьном дворе ученики, заметив меня, машут руками:

— Хороших выходных!

Закрепляю спортивную сумку на багажнике, ноутбук в чехле кладу в переднюю корзину. Через минуту я уже в туннеле под «большой» дорогой, отпускаю педали, и ветер обдувает мне лицо. На краю тротуара сидят две подружки Беллы по детскому саду. Прикрывая ладонями рты, они ухают, как совы. Звук отражается в туннеле эхом, и девчонки хохочут.

На подъеме мышцы ноют от напряжения, но я сбавляю скорость, только когда меня пробивает пот. На поле для игр лежит забытый кожаный мяч, ветер раскачивает качели на детской площадке. Я здороваюсь с хозяйкой пуделя, который задрал лапу у фонарного столба.

Звук сирен приближается. Смотрю по сторонам, но отблесков синих спецсигналов не вижу. У нас здесь нет автомобильного проезда, утопающий в зелени коттеджный поселок окружен только пешеходными и велосипедными дорожками. Это, кстати, одна из причин, почему мы переехали в Чёпинге¹. Дети тут добираются в школу и к друзьям на велосипедах и могут вообще не следить за дорогой.

Глубоко вдыхаю. Прохладный осенний воздух заполняет легкие. Свобода, впереди выходные, никаких обязательных дел. Я давно мечтал отпустить все и просто ощутить, что я есть. Буду общаться с семьей. Захожу — потрачу пару часов и подстригу изгородь, как обещал. Впрочем, это легко подождет до весны.

На повороте замечаю ближайших соседей — Оке и Гун-Бритт. Идут рука об руку, быстрыми шагами. Я не видел их несколько дней. Здесь всегда так — с ранней осени и до поздней весны все закрывается и все исчезают. И только в апреле снова начинается какое-то шевеление — рассеиваются холодные туманы, воздух пахнет пылью, во дворах появляются щедро смазанные солнцезащитным кремом дети с мячами и самокатами, у всех на головах бейсболки. Тарахтит первая газонокосилка. В садах фланируют приклеенные к телефонам мамы в крутых солнечных очках и папы с рыхлыми животами, вываливающимися из слишком узких шорт. На три месяца коттеджный поселок превращается в курорт с батутами и надувными бассейнами. Кажется, будто прибавили громкость, а дни становятся длиннее. И так до августа, пока не начинается школа. А дальше —

¹ Чёпинге — провинциальный городок в Швеции. — *Здесь и далее примеч. ред.*

ветры, листопад, ранние сумерки, дожди и тишина. Все живое и цветущее забывается, и не верится, что когда-нибудь снова станет светло.

Вот и наши соседи-пенсионеры запирают за собой калитку — уже слишком темно, чтобы оставлять ее открытой. Оке немного задерживается на улице, он готовит сад к зиме, дорожки вымыты, все углы вычищены от паутины, садовая мебель обтянута пленкой с аккуратностью, которой позавидовал бы любой музейный работник. В окне тут же появляется любопытная физиономия Гун-Бритт. Она бдительно следит за всем, что происходит в саду. Ни один листик не пролетит мимо незамеченным.

— Добрый вечер! — кричит Гун-Бритт, когда я подъезжаю ближе.

Я сомневаюсь: остановиться поговорить или проехать. Больше всего мне хочется поскорее оказаться дома. Но тут из калитки на велосипедную дорожку выходит Оке, и все-таки приходится затормозить.

— Вы слышали удар? — спрашивает он.

— Похоже, там авария, — сообщает Гун-Бритт.

Я снимаю одну ногу с педали и опираюсь на нее.

— Авария?

— Вы же слышали сирены? — спрашивает Оке, а Гун-Бритт жестом изображает витающий у нас над головой звук.

— Это где-то рядом?

— Кто его поймет, — отвечает Оке и кивает в сторону нашего дома. — Звук вроде шел с той стороны.

— Скорее всего, с «большой» дороги, — добавляет Гун-Бритт.

Все называют так окружающую Е60, у которой расположены супермаркет «Ика» и магазин алкогольных

напитков «Системболагет». Она выходит на Е6, где начинаются просторы Сконе с небоскребом Турнинг-Торсо на западе и шпилем Лундского собора на востоке.

— Кажется, приближаются, — замечает Оке.

Мы втроем прислушиваемся. Он прав, сирены воют громче.

— Ничего удивительного, люди же носятся как сумасшедшие, — сокрушается Гун-Бритт. — Но вы не волнуйтесь, Бьянка с детьми вернулась полчаса назад.

Бьянка. Дети.

В груди у меня что-то сжимается.

— О'кей. — Я быстро сажусь в седло и успеваю услышать слова Гун-Бритт:

— Хороших выходов.

Оставшуюся часть пути мои мысли перескакивают с одной на другую. Бьянка должна была забрать детей и купить продукты, но сейчас они уже дома. В безопасности. Вильям сидит на диване со своим айпадом, а Белла помогает Бьянке на кухне.

Отраженный стенами домов звук сирены становится еще громче. Мои бедра отяжелели, икры сводит судорога. До дома метров двадцать. За забором раздается собачий лай, и в ту же секунду я понимаю, что сирены смолкли.

Я сворачиваю за угол, вижу наш двор, и тут в глаза мне бьет яркий мигающий синий свет. В нем тонет все — асфальт, живая изгородь и невысокий штaketник.

Дыхание перехватывает. Ноги продолжают крутить педали. Я слезаю с велосипеда и иду прямо на этот синий свет.

На земле лежит красный велосипед. Он сплюснен, колеса искорежены, руль торчит вверх. Рядом стоит

Жаклин Селандер из пятнадцатого дома. У нее белое лицо, а на губах застыл крик.

У нашей живой изгороди из туи припаркована «скорая», рядом на корточках сидят два врача в зеленых халатах. На асфальте перед ними лежит Бьянка. Моя любимая жена.

2. МИКАЭЛЬ

*До катастрофы
Лето 2015 года*

Впервые я увидел Фабиана и Жаклин Селандер сразу после того, как мы переехали. На тех выходных Белле исполнилось три, и я решил установить в машину новое детское кресло, которое купил по бросовой цене в магазине «Блокет». Солнце жарило мне загривок, и сам я плавился, как сыр, втиснувшись наполовину в салон и мучаясь с ремнем безопасности, который оказался на несколько сантиметров шире, чем предназначенная для него прорезь. Ругательства из меня так и сыпались. Я не заметил, как кто-то подошел сзади.

— Новый «Р-дизайн», да?

Ремень выскользнул из рук, и чертово детское кресло опрокинулось набок. Когда мне удалось наконец извлечь собственное тело с заднего сиденья и вытереть пот со лба, я увидел мальчишку в шортах на подтяжках и кепке с логотипом «БМВ». Он стоял у ворот и рассматривал машину.

- Спортивная модель, — ответил я.
- Да знаю я, — ответил парень. — «Р-дизайн».
- Сколько ему? Двенадцать, тринадцать?
- Дизельный двигатель, — сказал он, — подключаемый гибрид, так?
- Видимо, так, — кивнул я.
- Не «видимо», а точно.

На самом деле я торопился, но мне не хотелось показаться невежливым.

— Меня зовут Фабиан, — произнес парень, — я тоже живу в этом дворе.

Жилой массив на окраине Чёпинге был поделен на маленькие кварталы, каждый из которых представлял собой большой заасфальтированный квадратный двор, по сторонам которого располагались четыре более или менее одинаковых коттеджа, построенные в первой половине семидесятых. У каждого квартала было собственное премилое название, связанное с топонимами из книг Астрид Линдгрен: Бюллербю, Леннеберга, Сальткрока, Чёрсбærсдален. Мы поселились на Горластой улице, и когда я сообщил детям, что отныне мы будем жить там же, где и «Лотта с Горластой улицы», они сначала ничего не поняли.

— Тогда будем соседями, — ответил я мальчику по имени Фабиан.

— О'кей, — ответил он и погладил бампер «вольво», как будто он был живым. — Вам надо было купить «БМВ». Больше опций за те же деньги.

Я рассмеялся, но мальчишка выглядел совершенно серьезным.

— У «БМВ-530», — сказал он, — двести семьдесят лошадей. А у этой сколько?

— Не помню.

Машина для меня — транспортное средство. Все, что мне нужно, — более или менее нейтральный цвет и вместительный багажник.

— Двести пятнадцать, — сказал мальчик.

Он свое дело знал.

Я уже собрался снова полезть в салон с детским креслом, как появилась женщина:

— Вот ты где, Фабиан!

Она как будто испускала какое-то сияние. Сильный загар подчеркивал длинные ноги, короткие шорты, белые зубы и небесно-голубые глаза.

— Ему нравятся машины, — сообщила она.

— Я уже это понял.

— Мне нравится «БМВ», — уточнил Фабиан.

Женщина, которая, видимо, была его матерью, рассмеялась и протянула руку с длинными розовыми ногтями.

— Значит, это вы переехали? Ноль-восемь¹, как я слышала?

Ноль-восемь? Неужели еще так говорят? У меня нет ни одного знакомого, у кого остался бы стационарный телефон, скоро телефонные коды станут такой же древностью, как вращающиеся диски и бакелитовые трубки.

— Ну да, но... — промямлил я и вытер ладонь о шорты, чтобы поздороваться. — Микки.

— Меня зовут Жаклин. Мы с Фабианом живем в пятнадцатом доме.

Она показала на дом, к которому вела подъездная дорожка, между плитками которой пробивались сорняки, а метровый забор не мешало бы покрасить. На фасаде висела подкова, китайский колокольчик и серебряные цифры: единица и слегка покосившаяся пятерка.

¹ 08 — код стационарных телефонов Стокгольма.

Металлический номер на нашем доме я уже открыл. Так потребовала Бьянка. Она согласилась жить в тринадцатом доме только при условии, что я сразу же уберу со стены табличку с этим несчастливым числом.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — произнесла наша новая соседка. — У вас ведь тоже есть дети, да?

Я кивнул. По моему лбу катились капли пота, футболка прилипла к подмышкам.

— Белле только что исполнилось три, а Вильяму шесть.

Фабиан и его мама переглянулись.

— Нам надо идти, — сказала Жаклин, кивнув мальчику. — Увидимся!

Она шла быстрыми шагами, Фабиан семенил рядом, стараясь не отставать. У ворот своего дома она остановилась, оглянулась и посмотрела на меня. Я улыбнулся в ответ.

Потом установил наконец кресло на место и сразу пошел в дом, чтобы рассказать о соседях Бьянке.

— Жаклин Селандер? Бывшая модель. Она жила в США.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Бьянка склонила голову набок и показалась мне точно такой же, какой была восемь лет назад, когда меня сразили ее веснушки и ямочки на щеках.

— Из интернета, любимый.

— Ты проверяла соседей?

Она рассмеялась:

— А ты как думал? Уехать за шестьдесят миль¹ и не выяснить, кто живет рядом?!

Разумеется. Я поцеловал ее в шею.

¹ Шведская миля равна 10 км.

— Что ты еще выяснила, Лисбет Саландер?¹

— Не много. Пожилую пару из двенадцатого номера зовут Оке и Гун-Бритт. Похоже, типичные представители поколения сороковых. Гун-Бритт любит танцевальную музыку, вместо фотографии у нее в профиле «Фейсбука» цветок. Оке вроде бы в социальных сетях нет.

— Ясно.

Я всегда жил в многоквартирных домах и никогда не понимал необходимости знать, кто твои соседи, но Бьянка была уверена, что в районе с отдельными коттеджами все обстоит иначе. Здесь не удастся избежать общения с соседями.

— Я нашла пару фотографий Жаклин Селандер. Она, кажется, больше времени прожила за границей, чем в Швеции. Живет, судя по всему, одна, то есть с сыном, в доме номер пятнадцать.

— А в четырнадцатом кто? — спросил я.

— Некий Ула Нильсон, мой ровесник. Ведет, судя по всему, замкнутый образ жизни. Но... — Она сделала небольшую паузу и округлила глаза, показывая, что обнаружила нечто сенсационное. — Он есть в Криминальном реестре.

— Что? Он преступник?

Ведь в реестр попадают только преступники?

— Не факт, — ответила Бьянка. — Но его судили за применение насилия.

— Ты читала приговор?

— Естественно. Нам ведь жить среди этих людей. Ты, любимый, дитя бетона. И не представляешь, как все устроено в таких местах.

¹ *Лисбет Саландер* — вымышленный персонаж, девушка-хакер, героиня серии книг шведского писателя Стига Ларссона.

— Нам надо было купить дом в Лапландии, — улыбнулся я.

— Я была бы не против. Если бы не дикий холод в тех местах.

Я вздохнул. Как это похоже на Бьянку, вечно она без необходимости перестраховывается, безопасность для нее как наркотик. Хотя сейчас, конечно, основания для беспокойства есть — мы же оказались в совершенно новом месте и ни одну собаку здесь не знаем.

Нам пришлось переехать по нескольким причинам, и я обязан поддерживать хороший настрой. Это мой долг перед Бьянкой. И детьми.

Сконе¹ — наш новый старт. И нам его ничто не испортит, во всяком случае — не соседи.

— Все будет хорошо, — сказала Бьянка и накрыла ладонью мою руку. — Я не хотела тебя пугать. Горластая улица, тринадцать. Разве может здесь что-нибудь пойти не так?

¹ *Сконе* — провинция на юге Швеции.

З. МИКАЭЛЬ

*После катастрофы
Пятница, 13 октября 2017 года*

Развернувшись, «скорая» выезжает на «большую» дорогу, и сразу же снова включается сирена.

Я стою в оглушающей тишине посреди гигантской пропасти, в которой исчезают время и пространство. Сирена унесла с собой все звуки и свет, небо стало черным. Все остановилось. Единственное, что я вижу, — взгляды соседей, опустошенные страхом, который вот-вот обратится в панику.

— Мама! Мама!

Из калитки выбегают Белла и Вильям, без обуви, только в носках. Я наклоняюсь обнять детей.

— Что случилось? — спрашивает Вильям. — Где мама?

Все переворачивается. Я не знаю, за что хвататься.

— Маму сбила машина.

— Что?

Белла отчаянно плачет.

— Ее повезли в больницу, — говорю я и прижимаю к себе сына и дочь.

В груди что-то рвется, я не могу дышать. На общем дворе стоят окаменев Жаклин и Фабиан, они в шоке. К ним подбегает Ула.

— Мама... — всхлипывает Белла. — Я не хочу, чтобы мама умерла.

— Она же не умрет, да, папа? — спрашивает Вильям.

Я чувствую их страх всем своим телом. Этого не может быть.

— А куда она поехала?

— Ей надо было в супермаркет, — говорит Вильям, — минут на десять. Я пообещал присмотреть за Беллой.

— Я думал, вы уже там были!

— Да, но мама забыла фету.

Я встаю, мир вокруг шатается. Держу детей за руки и иду как слепой.

— Мы поедem за «скорой».

Ключи от «вольво» у меня в кармане.

— Вы же не возьмете с собой детей? — произносит Жаклин.

Лучше бы она молчала. Это она сбила Бьянку. Я не могу ее видеть.

— Оставьте их здесь, — подхватывает Ула и уже собирается взять Беллу за руку, но я отталкиваю детей от него:

— Ни за что!

На лице Беллы гримаса плача.

— Мы тоже поедem, — говорит Вильям.

Я не могу решить. Я был на станции скорой помощи в Лунде. Не всякий взрослый такое выдержит, и уж точно не ребенок.

— Я вас люблю, — шепчу я, наклонившись к детям. — Но вам, наверное, лучше подождать дома.

Я разрываюсь между желанием, чтобы они были рядом и я мог их успокоить, и пониманием, что для них лучше остаться и никуда не ездить.

— Я позвоню Гун-Бритт, — говорю я. — Они с Оке пока побудут с вами. А я скоро вернусь.

— Хорошо, — отвечает Вильям и берет сестру за руку.

— Мама тоже вернется? — тревожно спрашивает Белла.

Я обнимаю их и пытаюсь успокоить.

Когда я сажусь в машину, ко мне подходит Жаклин. Ее движения замедленны. Она моргает, сглатывает, подносит руку ко рту.

— Я... я... это произошло так быстро. Она просто появилась из ниоткуда.

Мне нечего сказать. Я закрываю дверь и включаю двигатель. Когда машина трогается, Уле приходится отойти в сторону. Я разворачиваюсь, и из зеркала заднего вида на меня смотрят растерянные лица детей. Они машут мне; машина, миновав живую изгородь из туи, выезжает на «большую» дорогу.

Я нажимаю на газ.

Руки дрожат, колени подпрыгивают. Вижу только асфальт впереди, чуть дальше все словно стерто. В голове страшная картина. Закрытые глаза Бьянки, посиневшие губы, опухшие раны и ссадины.

Склонившись к рулю, выезжаю на трассу. Отчаянно сигналю «фиату», который собирался перестроиться в мою полосу, когда я со свистом проносился мимо. Вынимаю мобильник и набираю Гун-Бритт. Каким-то странным образом мне удастся объяснить, что случилось. Телефон замолкает.

— Алло? Вы слышите?

— Подождите, — говорит Гун-Бритт и зовет Оке. Видимо, она прикрыла телефон рукой, слышно как издалека. Говорит, что она «так и знала».

Что, черт возьми, она могла знать?

— Жаклин наверняка была пьяной, — громко раздается у меня в ухе. — Как думаете?!

— Она слишком быстро ехала.

Все жители Горластой улицы заезжают в общий двор медленно, как улитки. Все, кроме Жаклин.

— О господи, — произносит Гун-Бритт. — Бьянка!

Я прошу ее поскорее пойти к нам, присмотреть за детьми и не подпускать к ним Жаклин и Улу. Обещаю позвонить, как только что-то выясню.

— Я буду молиться за Бьянку, — говорит Гун-Бритт.

Заезжаю в Лунд на повороте у «Новы» и дальше по Северному кольцу. При виде меня водители притормаживают, гадая, что случилось. Минутная встряска, отзвук драмы среди будней. Через пять секунд они, как обычно, едут дальше, а вот моя жизнь остановилась.

Как она могла не заметить Бьянку? В общем дворе невозможно никого сбить.

В следующее мгновение я сам уже еду так быстро, что теряю контроль и машина задевает поребрик. Парктроник пищит, и я не удерживаюсь от ругательств.

Внезапно я вижу перед собой указатель приемного отделения «скорой». Быстро поворачиваю руль и выезжаю на узкую встречу. Парень с бакенбардами и в вязаной шапке успевает отскочить от края тротуара, иначе я бы его протаранил.

Он возмущенно жестикулирует, но мне сейчас не до этого. Припарковавшись в кармане, я отстегиваю ремень безопасности.

Несчастный случай.

Это должен быть несчастный случай.